

ОБРЕТЕННАЯ РОДИНА

Артура Айдиняна, заслуженного артиста Армянской ССР, часто спрашивают после концертов: «Скажите, а как вы начали петь?». И каждый раз певец чуть заметно пожимает плечами и виновато улыбается: «Ну разве об этом скажешь двумя словами?»...

Родился Артур Айдинян в греческом городе Салоники, куда в 1917 году переехала его семья, спасаясь от турецких погромов. Музыка в семье любили. Михаил Айдинян, отец певца, привез с собой скрипку. Странно было видеть этот хрупкий инструмент в огрубелых руках плотника. Как бы ни устал он за долгий рабочий день, проведенный под жарким южным солнцем, не было для него большего удовольствия, чем скрипка. А маленький Артур слушал, как играет отец, еще не понимая, почему ему становится так грустно.

Мальчик рос, и мир для него наполнялся все новыми и новыми звуками. Южный город, в котором было много бедняков и много песен, стал первой музыкальной школой певца. Когда наступал вечер, узкие улочки Салоник наполнялись песнями, то мягкими, как южные ночи, то жаркими, как летний день. Проходили по улицам влюбленные парни с гитарами, проходили старики и спрашивали у маленького Артура: «Почему ты идешь за нами, пора спать, малыш». А Артур ничего не отвечал. Как можно было не идти за людьми, которые пели «О ночь, о волшебная, грустная ночь...»!

Шли годы, появлялись новые песни. Позади осталась школа, нужно было выбирать себе путь в жизни. Но началась война, пришли немецкие фашисты, и о музыкальном образовании думать не приходилось... Каждый день приносил страшные новости: гитлеровцы расстреляли еще трех патриотов, устроили еще одну облаву, угнали на чужбину еще несколько сот мирных людей.

Однажды к Артуру подошли двое греческих юношей. Они что-то напевали, и песенки их казались паролем. Оглянувшись, они осторожно завели разговор о том, что необходимо постоять за себя, что с фашистами нужно бороться. Потом произошла еще одна такая встреча, и еще одна, и Артур Айдинян узнал, как можно бороться с оккупантами. С верной гитарой, подарком отца, шел он, напевая, по городу, и если звучала она чуть глуше обычного, то лишь потому, что в ней были спрятаны листовки, рассказывающие правду о войне и фашизме. Не было листовок — их заменяли мел, уголь, и на стенах домов появлялся страстный призыв: «Смерть оккупантам!».

В то время Артур и его товарищи часто появлялись в туберкулезном санатории, расположенном за городом. Все думали — юноши приходят навещать больных. Но по ночам здесь происходили и другие встречи: с гор спускались связанные партизанской армией и уходили назад с ценными сведениями о планах врага. Как-то фашистам удалось пронюхать об этом. Шестнадцать туберкулезных больных были расстреляны за помощь партизанам. А вскоре во время очередной облавы был арестован и Артур Айдинян.

Потянулись дни, недели, месяцы страшной, нечеловеческой жизни. И когда юноша уже совсем потерял силы, его полуживого выбросили из лагеря.

— Артур, — спросил его как-то товарищ, когда они шли по улице, — почему ты лезешь прямо в лужу?

— В лужу? — удивленно переспросил Артур, — я не вижу никакой лужи.

Так он впервые отчетливо понял, что начинает терять зрение. «Травматическая катаракта, — говорили врачи, — следствие побоев». И разводили руками...

Война шла к концу, оккупанты были уже изгнаны из страны, и слепой медленно бродил по улицам и пел. И хотя он не видел мира, он видел свою дорогу. Он разучивал партизанские песни, которые знал и любил, песни, которые вселяли в него мужество. Петь, петь — это для него было главным. И слепой пел повсюду: в клубах молодежи, в кружках самодеятельности, на улицах.

Как только Артур узнал, что можно поехать в СССР, он не колебался ни минуты. И вот советский пароход «Чукотка» уже прошел Босфор и взял курс к родным берегам. На борту его среди других армянских репатриантов был и Артур Айдинян. Он гулял по палубам, его останавливали друзья, просили спеть. И он пел.

— Так не годится, — сказал Артуру судовой врач. — Нужно, чтобы вас слышали все.

Взяв Артура за руку, он осторожно повел его на капитанский мостик.

— Вот вам и подмостки, — пошутил он.

Над просторами моря разлилась песня. Ее действительно слушали все: товарищи, моряки, открывающиеся вдали берега Родины.

— Попробуем вернуть вам зрение, — сказал Артуру врач в Ереване.

Прошли долгие месяцы, и юноша снова увидел свет. Проходя с удивлением смотрели на человека в больничном халате, который, вытянув по привычке вперед руки, медленно шел по улице, впитывая широко раскрытыми глазами краски мира. Вот питьевой фонтанчик у входа в больницу. До чего же это удивительно — вода, такая прозрачная, серебристая. До чего удивительна вся эта новая, прекрасная жизнь! И он стоял, смотрел на улицу, на людей, смотрел и смотрел...

А вернувшись в больничную палату, запел. И такая радость звенела в его голосе, что седовласые врачи и шумные практиканты бросили все дела и собрались у его койки...

Вскоре Артур Айдинян поступил в Ереванское музыкальное училище. С большой теплотой вспоминает он своего учителя Тиграна Ивановича Налбандяна.

— У тебя прекрасные природные данные, — говорил учитель, — но нужно работать. Больше терпения, и не копируй других, ищи свой стиль. — еще и еще раз повторял он.

Но певцу предстояли еще тяжелые испытания. Неожиданно снова ухудшается зрение, с таким трудом возвращенное Артуру Айдиняну. На этот раз помочь ему мог только один человек, и этим человеком был всемирно известный ученый профессор Филатов. В его клинику в Одессу и поехал Айдинян. Все, кто бы ни лечился в этой знаменитой клинике, навсегда сохраняют в сердце любовь и признательность к прославленному окулисту. Лечение у Филатова дало свои благоприятные результаты.

Быстро пролетели годы, и вот уже Артур Айдинян дает концерты в Ереване, Тбилиси, Одессе, Кишиневе, Львове, Ленинграде, Риге.

Слушатели по достоинству оценили его голос, редкий по красоте и выразительности. Но успех не вскружил голову певцу.

Айдинян решил включить в свой репертуар, в котором преобладали вначале произведения западных композиторов и народные армянские песни, романсы Чайковского, Глинки, Варламова, Гурилева. Это было нелегко. Нужно было осознать и впитать в себя то, что характерно для русского музыкального искусства. Ключ к произведениям русских композиторов помогла ему найти литература, и не столько специальная, сколько художественная. Пушкин, Лермонтов, Толстой, Чехов стали любимыми писателями певца. Помог ему и русский драматический театр. Ведь в конечном счете все виды искусства тесно переплетаются между собой своими корнями.

Недавно Артуру Айдиняну было присвоено звание заслуженного артиста Армянской ССР. Ширится его концертная деятельность, растет мастерство, растет и чувство ответственности перед слушателями. Встречи с ними доставляют артисту истинную радость. Он хранит их в своем сердце как самое дорогое воспоминание. Но одну из этих встреч Артур вспоминает с особой теплотой. Это было в Риге. После концерта к нему подошел человек и спросил: «Артур, вы помните, как я водил вас по кораблю, чтобы все слышали ваше пение? Помните «Чукотку»?».

Конечно, Артур Айдинян помнил «Чукотку» и судового врача, хотя и не видел его тогда. Помнит он и каждый день своей новой жизни — такой яркой и прекрасной. И выходя на подмостки театра или клуба в столице или небольшом городке, он думает: «Ведь теперь я пою для родного народа, для народа обретенной Родины!».

А. Айдинян в книжном магазине.